

1252

Меж ордой и орденом

24 июля 1252 года в канун памяти святых Бориса и Глеба под стенами Владимира явилась ордынская рать. Событие было чрезвычайное по многим причинам. Двенадцать лет на Руси не видали вооруженных монголов. К тому же на сей раз пришли они не сами собой, а были «наведены» одним из русских князей на другого. А что еще более существенно, приход войска царевича Неврюя по просьбе князя Александра Ярославича означал, что этот сильнейший из князей Северо-Восточной Руси сделал окончательный выбор в пользу союза с Ордой — выбор, в значительной степени определивший весь дальнейший ход отечественной истории, ибо с прихода «неврюевой рати» собственно и начинается установление на Руси ордынского ига.

Нашествие и иго

Тринадцатое столетие — век глубокого перелома в истории Руси. Со времени выхода в свет «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина перелом этот связывают с установлением «монгольского ига». Это удивительное слово, в значении формы военно-политической зависимости со «страдательным» оттенком впервые введенное в ученый обиход Карамзиным, пережило в школьных учебниках императорский и советский периоды и удерживается до сих пор.

«Иго» (латинское *jugum* от *jungere* — соединять) всего-то навсего — воловье ярмо, которое надевали на шею побежденному предводителю варваров во время триумфального входа военачальника-победителя в Рим. Выбирая именно это слово, Карамзин следовал библейской церковнославянской традиции, в которой оно употребляется в двух смыслах: как «ярмо, бремя, тяжесть» (в прямом и переносном смысле) и как «владение, господство».

Обычно такие художественные образы в научном и школьном обиходе не приживаются, но «иго» живет уже второе столетие. Живу-

честь слова, по всей видимости, объясняется его замечательными «камуфляжными» свойствами, благодаря которым в массовом сознании россиян двухсотлетние отношения с Ордой представляются едва ли не непрерывным батыевым погромом.

Если присмотреться внимательно, то окажется, что под «игом» понимается форма даннических отношений, при которых русские князья обязаны были периодически выплачивать ордынским ханам денежную дань и предоставлять войска для ордынских походов, а взамен получали ханский «ярлык» на княжение — удостоверение, что предьявитель находится под защитой и покровительством хана. Отношения такого типа были широко распространены как в Западной Европе, так и на востоке, и в своей наиболее известной форме называются вассальными отношениями. Ничего унижительного по средневековым понятиям даннические отношения не заключали. Для чего же понадобилось называть эти отношения туманным словом «иго»?

Ответ, по всей видимости, заключается в том, что «иго» позволяет избежать бестактного разговора об обстоятельствах и способах установления этой зависимости. «Иго» продолжает воспроизводиться в наших учебниках, чтобы закамуфлировать тот неприятный факт, что зависимость Северо-Восточной Руси от Золотой Орды есть результат сознательного выбора и целенаправленной политики князей.

Едва ли не во всех доступных широкой публике учебниках и популярных исторических сочинениях дело представляется так, будто пресловутое «иго» установилось сразу после Батыева нашествия 1237—1240 гг. Беда, однако, в том, что даннические отношения такого рода не «возникают», не «складываются» и не «устанавливаются» сами собой. Это договорные отношения, и они должны быть зафиксированы юридически значимым актом. В Западной Европе вассал должен был, став на колено, произнести формулу присяги — «оммажа», сюзерен — нанести ему символический удар мечом плашмя по спине и также произнести свою часть ритуальной формулы; в Монгольской империи был особый ритуал, скреплявший отношения старшего хана с постулавшим под его власть «улусником».

Первым из русских князей совершил этот обряд по монгольскому обычаю великий князь владимирский Ярослав Всеволодович. Старейшее из сохранившихся до нашего времени повествований об этих событиях — Лаврентьевская летопись — эпическим слогом сообщает, что в 1243 г. великий князь Ярослав поехал к Батыю, а сына своего

Константина послал к великому хану в Каракорум; Батый же «почтил Ярослава великою честью» и даровал ему старейшинство во всей Руси¹. То есть князь по собственной воле отправился в Сарай на Нижней Волге — кочевую ставку только что вернувшегося из похода в Западную Европу Батые, принес присягу — по-монгольски «шерть» — и сделался данником хана.

На следующий год его примеру последовали другие князья Северо-Восточной Руси — князья Владимир Константинович, Борис Василькович, Василий Всеволодович поехали в Орду и получили от Батые ярлыки на свои «отчины».

Учебники, даже если и упоминают об этих поездках, то, как правило, объясняют покорность князей Северо-Восточной Руси непреодолимостью монгольской силы, которой не могли противостоять разобщенные земли и княжества, опустошенные нашествием. Все эти традиционные аргументы имеют силу только с существенными оговорками.

Древнейшие наши летописи при описании нашествия действительно всячески подчеркивают многочисленность, силу и неутомимость «татар». Однако летописный текст не следует понимать буквально, летопись — не столько описание, сколько способ осмысления событий. Нашествие «иноплеменных» рассматривалось книжниками как «бич божий», «кара господня», а монголам приписывались черты библейских «нечистых народов», появление которых знаменует начало светопреставления. Летописные фрагменты, повествующие о нашествии, часто буквально совпадают с текстами библейских пророчеств.

Ранние летописи по этой причине не содержат никаких цифр. Единственное точное указание численности монгольского войска находится в позднейшем и недостоверном источнике, знаменитой «Задонщине», где сказано, что «у Батые было чetyреста тысящ окованная рати», то есть только тяжелой конницы. Это, разумеется, преувеличение, такого множества бойцов не было во всей Монголии XIII в. Противоположную крайность представляет мнение Льва Гумилева, утверждавшего, что «у Батые и его братьев было всего 4 тысячи всад-

¹«Великий князь Ярослав поеха в Татары к Батыеви, а сына своего Костянтина посла к Канови; Батые же почти Ярослава великою честью и мужи его, и отпусти, и рек ему: "Ярославе! буди ты старей всем князем в русском языке". Ярослав же възвратися в свою землю с великою честью».

ников». Однако невозможно представить себе, чтобы такое малочисленное войско прошло без единого поражения от Волжской Булгарии до Адриатики, разгромив не только русские полки, но и шестидесятитысячную польско-немецко-моравскую рать в битве при Легаице. Широкое распространение получили расчеты В.В. Каргалова, оценивавшего общую численность Батыева войска в 120 тысяч воинов на том основании, что обычно монгольские ханы командовали в походе туменом (по-русски — «тьма», отряд численностью 10 000 человек), а вместе с Батыем пришло от двенадцати до четырнадцати ханов. Но цифра, полученная Каргаловым, по всей видимости, требует уточнения. В современной научной литературе большее доверие вызывает другой способ расчета. В 1235 г. на съезде монгольской знати — курилтае — было решено отправить в Великий поход на Запад половину всех имперских сил, то есть, по расчетам современных демографов, — примерно 70 тысяч человек. Войско действительно немалое, но едва ли можно говорить о «подавляющем» превосходстве монголов в живой силе даже во время кампаний 1237—1240 гг., не говоря уже о времени после 1242 г., когда значительные силы, подчинившиеся непосредственно императорскому правительству, оставили приволжские степи, где Батый образовал собственное государство — Золотую Орду. Название, кстати, условное, оно появляется в русских источниках XVI в., когда основанная Батыем держава уже распалась на отдельные ханства. Сами монголы называли эту территорию «улусом Джучи», то есть землей, принадлежащей сыну Чингисхана Джучи и его наследникам.

Степень разорения Руси в 1237—1240 гг. также сильно преувеличивается в результате излишнего доверия историков летописным эсхатологическим описаниям. Смоленское, Пинское, Витебское, Полоцкое княжества и большая часть Новгородской земли вообще не были затронуты нашествием. Но и взятие Батыем того или иного города было событием, разумеется, трагическим, однако отнюдь не катастрофическим. Все крупные города, которыми овладели монголы, в дальнейшем продолжали существовать в качестве значительных центров. Летописное известие о том, что «весь Киев разбежался», «не терпя татарского насилия», относится к 1300 г., то есть окончательный упадок Киева наступил через семь десятилетий после нашествия и под влиянием совершенно иных факторов. Единственная столица крупного древнерусского княжества, на месте которой нет современ-

ной городской застройки — Старая Рязань, — длительное время претендовала на звание «русских Помпей» — города, погибшего в одночасье под ударами монголов. Но это представление не соответствует летописным и архео-логическим источникам. «Повесть о разорении Рязани» описывает восстановление города непосредственно вслед за нашествием таким образом: «Благоверный князь Ингварь Ингваревич, названный во святом крещении Козьмой, сел на столе отца своего великого князя Ингваря Святославича. И обновил землю Рязанскую, и церкви поставил, и монастыри построил, и пришельцев утешил, и людей собрал. И была радость христианам, которых избавил Бог рукою своею крепкою от безбожного и зловерного царя Батыя». Археологические изыскания последних десятилетий подтверждают, что Старая Рязань в течение по крайней мере столетия после нашествия не только была оживленным городом, о чем говорит обилие керамики второй половины XIII — начала XIV в., но и сохраняла статус важного политического центра. Об этом, в частности, свидетельствует обнаруженная здесь медная пластина, украшенная золоченым рисунком поверх черного лака. Эта очень дорогая техника, как правило, употреблялась для украшения парадных дверей главных соборов крупнейших городов. Замечательно, что старорязанская пластина датируется XIV в.

В целом современные археологи убеждены, что упадок многих поселений, ранее приписывавшийся монгольскому нашествию, произошел существенно позже, и под действием факторов климатического характера. Появление монголов совпало с длинной чередой чрезвычайно дождливых лет, в результате чего старые пашенные участки в речных долинах были заброшены, зато велась распашка более возвышенных земель на водоразделах. Население перемещалось и вследствие истощения лесных угодий, что негативно сказывалось на лесных промыслах и связашой с ними торговле пушниной, медом и воском. Эти перемены неизбежно должны были привести (и в полстолетия привели) к изменению сравнительной мощи городских поселений, некоторые из которых пришли в упадок, вовсе не пострадав во время «батыева погрома». Разруха, вызванная собственно нашествием, продолжалась недолго, и «структуры повседневности» были восстановлены в кратчайшее время. Показательно, что уже в 1239 г. великий князь владимирский Ярослав Всеволодович собрал довольно сил для крупного похода и разорил город Каменец на грани-

це Киевских земель, где княжил в это время его противник Михаил Черниговский, а на обратном пути разбил литовский отряд, вторгшийся в пределы смоленской земли, и «урядил» смолян, «посадив» им против их воли князя Всеволода Мстиславича.

Таким образом, современная наука накопила немало доказательств того, что разрушительные последствия монгольского нашествия в традиционной литературе сильно преувеличены. Страна хотя и понесла значительные потери, но сохранила достаточно сил для сопротивления монголам и отстаивания независимости. Так во всяком случае считали многие влиятельные современники событий, князья и лидеры городских общин. Ориентация Северо-Восточной Руси на союз с Ордой утвердилась в результате острой внутренней борьбы.

Водружение ярма

Для того чтобы отбиться от монголов, разумеется, нужны были совокупные усилия всех русских княжеств. И надо заметить, что удельный порядок вовсе не препятствовал организации совместных военных предприятий, в которых нередко принимали участие практически все русские земли (как в походе Андрея Боголюбского на Киев в 1174 г.). В марте 1238 г. в битве на реке Сити монголам противостояли соединенные силы Владимирского, Ярославского, Углицкого и Юрьевского княжеств, однако их было явно недостаточно. Соединение усилий Северо-Восточной и Юго-Западной Руси было вполне возможно, а кроме того, для борьбы с монголами можно было опереться на помощь внешнего союзника.

Такого союзника естественно было искать на Западе. Вся Европа в те времена, несмотря на взаимные анафематствования в 1054 г. папы римского и константинопольского патриарха, еще считалась относительно единым «христианским миром», номинальным главой которого был папа. Одним из первых русских князей вступил в переговоры с папской курией Михаил Черниговский, отправивший в 1245 г. на Лионский собор своего кандидата на Киевскую митрополицию кафедру — игумена Петра Акеровича. В том же 1245 г. вступил в сношения с Римом Даниил Галицкий, выразивший готовность в ответ на помощь против татар признать «Римскую Церковь матерью всех Церквей». Великий князь владимирский Ярослав Всеволодович так-

же, по всей видимости, не рассматривал присягу Батюю как окончательное и бесповоротное решение вопроса о политической ориентации. Во всяком случае, в 1246 году, во время поездки в столицу Монгольской империи Каракорум, куда он был вызван для «утверждения» великим ханом (Золотая Орда номинально оставалась частью монгольской державы, и назначенцам Батюя требовалось утверждение великого хана), он вел переговоры о союзе с папским легатом Джованни дель Плано Карпини и, по уверению Карпини, согласился принять покровительство Римской церкви. Не исключено, что эти переговоры, о которых донес Туракине — матери великого хана Гуюка, фактической правительнице империи — русский толмач Темер из свиты Ярослава, и послужили причиной убийства князя в Каракоруме. По свидетельству Карпини, он был отравлен «матерью императора, которая, как бы в знак почета, дала ему есть и пить из собственной руки; и он вернулся в свое поместье, тотчас же занедужил и умер спустя семь дней, и все тело его удивительным образом посинело».

Великим князем владимирским в соответствии с традиционным порядком стал младший брат Ярослава Святослав Всеволодович. Но уже в конце 1247 г. его племянники Александр и Андрей Ярославичи отправились к Батюю. Они оспаривали великокняжеский стол, ссылаясь на акт ханского пожалования их отцу и указывая, что ханское пожалование сильнее обычая. Батый не решился своей властью разрешить спор и отправил братьев в Каракорум.

В 1249 г. новая правительница империи вдова хана Гуюка Огуль-Гамиш признала Александра Ярославича «старейшим» среди русских князей: он получил Киев. Но великое княжение владимирское было пожаловано Андрею. Александр предпочел не ехать в удаленный и сильно разоренный город и продолжал княжить в Новгороде.

Андрей Ярославич, сев во Владимире в качестве ставленника Каракорума, попытался не только проводить политику, независимую от Золотой Орды (что облегчалось конфликтом внутри империи — у Батюя были натянутые отношения с кланом Гуюка), но вместе с младшим братом Ярославом, княжившим в Твери, начал создавать коалицию для совместной борьбы с монголами. Он заключил союз с сильнейшим князем Южной Руси Даниилом Романовичем Галицким. Союз был скреплен в 1250 г. браком Андрея с дочерью галицкого князя, несмотря на то что при этом нарушались нормы церковного — каноничес-

кого — права, не допускавшие брака между близкими родственниками, в данном случае двоюродными братом и сестрой.

Даниил Романович также готовился выступить против татар и вел интенсивные переговоры с римской курией, которая в этот период стала проявлять большой интерес к русским княжествам как к возможным участникам антимонгольской коалиции. Переговоры Даниила Галицкого с Римом привели в 1246 г. к формальному распространению власти папского престола на Галицко-Волынскую землю. Немногие сохранившиеся документы (до нас дошли папские буллы, но писем русских князей в нашем распоряжении нет) позволяют тем не менее утверждать, что, выражая готовность подчиниться Римской церкви, Даниил Галицкий преследовал исключительно политические цели. Не случайно уже в одну из первых папских булл, посланную в мае 1246 г., включено обещание «совета и помощи» против татар. Между тем от прямого подчинения духовной иерархии Риму Даниил сумел уклониться. Выдвинутый им кандидатом на киевскую митрополию княжеский печатник Кирилл в 1246 г. был направлен для утверждения в Никею к патриарху Мануилу II, изгнанному крестоносцами-католиками из Константинополя.

В разгар этих антимонгольских приготовлений удар по создаваемой коалиции неожиданно нанес Александр Ярославич, которому, разумеется, не могло быть приятно назначение на почетный, но утративший всякое значение киевский стол. До времени князь терпел. Изменение положения дел в Каракоруме облегчило ему разрешение задачи. Неблаговолившая Батюю Огуль-Гамиш была свергнута 1 июля 1251 г., а великим ханом стал друг и ставленник Батые Мунке. Между ними, по всей видимости, существовало соглашение о полной автономии Батыева улуса. Руки Батые оказались развязаны, чем и не преминул воспользоваться Александр Ярославич, которому Батый благоволил.

Лаврентьевская летопись (древнейшая из содержащих рассказ о драматических событиях 1252 г.) кратко сообщает, что ходил «Александр князь новгородский Ярославич в татары и отпустили его с честью великою, дав ему старейшинство во всей братии его». По сообщению Василия Никитича Татищева, который, работая в 1730-е гг. над своей «Историей Российской», пользовался многими не дошедшими до нас источниками, свои притязания на владимирское великое княжение князь Александр подкрепил изветом на брата: «жаловался

Александр на брата своего великого князя Андрея, яко сольстив хана, взя великое княжение под ним, яко старейшим, и грады отческие ему поймал, и выходы и тамги хану платит не сполна».

В промежутке между прибытием Александра в Орду и возвращением его с «честью» Батый отправил на Русь две карательные экспедиции, одну — под командованием Неврюя — против Андрея, другую — под руководством Куремсы — против Даниила Галицкого. Андрей и его брат Ярослав были разбиты в сражении у Переславля, после чего Андрей бежал в Швецию, а Ярослава призвали на княжение псковичи¹.

Даниил Галицкий со своей стороны без большого труда отразил нападение Куремсы и повел более решительные переговоры с Римом, требуя в обмен на признание власти папы в церковных делах Южной Руси реальной военной помощи против татар. Дело было улажено в 1253 г.: в обмен на твердое обещание польских князей выставить войско в помощь Даниилу против татар галицкий князь согласился принять от папы королевскую корону.

Получив ярлык на великое княжение и обосновавшись во Владимире, Александр Ярославич, опираясь на монгольскую силу, предпринял шаги по закреплению за собой прав на Новгород, добиваясь признания республикой своим князем того, кто занимал великокняжеский стол во Владимире. Во всяком случае, став великим князем владимирским, Александр сохранил за собой и новгородское княжение, посадив там своего старшего сына Василия, только с правами наместника.

Новгородцы решительно воспротивились новому порядку. В 1255 г. сторонники самостоятельности выгнали из города Василия Александровича и пригласили из Пскова младшего брата Александра князя Ярослава Ярославича. Александр двинулся на Новгород ратью и, став под городом, потребовал покорности и выдачи своих противников из числа новгородской знати. Горожане раскололись на две партии. «Меньшие»

¹Лаврентьевская летопись так описывает эти события: «Здума Анрей князь Ярославич с своими бояры бегати, нежели цесарем служити, и побеже на неведому землю со княгынею своею и с бояры своими». «И погнаша Татарове в след его, и постигоша и у города Переяславля. Бог же сохрани и и молитва его отца. Татарове же россунушася по земли и княгыню Ярославлю яша, и дети изымаша, и воеводу Жидослава ту убиша, и княгыню убиша, и дети Ярославли в полон послаша, и людий без щисла поведоша до конь и скота, и, много зла створивше, отидоша».

бояре во главе с посадником Ананьей Теофилактовичем, которых поддерживали простые люди («чернь») и купцы, дали клятву стать всем не на живот, а на смерть «за правду новгородскую, за свою отчину». «Великие» бояре, сторонники Александра, готовились «побита» меньших людей, а князя ввести «на своей воле». Следует обратить особое внимание на то, что в этот период именно новгородское простонародье твердо стояло за старинные вольности и добилось от князя уступок. Столкнувшись с упорным сопротивлением, Александр Ярославич сбавил тон и вместо выдачи всех «врагов» требовал уже только головы Ананьи, угрожая в противном случае пойти на город «ратью». Высланные для переговоров с князем архиепископ и тысяцкий достигли компромиссного решения — Ананья должен был лишь оставить пост посадника, который занял ставленник «великих» бояр Михалко Степанович, вскоре возвратился и великокняжеский наместник Василий Александрович.

Но противоборство Александра с новгородцами на этом не завершилось. Вскоре произошло новое выступление новгородской оппозиции. Обстановка в городе обострилась, когда монголы решили ввести в русских землях регулярную систему сбора дани. Для этого в 1257 г. в Новгородскую, Суздальскую, Рязанскую и Муромскую земли были отправлены монгольские «численники», которые должны были произвести поголовную перепись населения. Александр Ярославич, недавно вернувшийся из очередной поездки в Орду, со своей дружиной сопровождал монгольских переписчиков. Новгородцы взбунтовались, причем на сторону противников подчинения великокняжеским притязаниям и татарским требованиям стал и наместник — сын Александра Ярославича Василий. Новгородцы не дали татарским послам регулярных сборов — «десятины и тамги», ограничившись дарами хану. Монголы отправились восвояси. Не добившись полной покорности сюзерену, Александр жестоко расправился с мятежниками: Василия «выбил» из Пскова (куда тот бежал при приближении отца) и отослал в Суздальскую землю, а тем, кто подбил его на неповиновение, «овому носа урезаша, а иному очи выимаша».

Неудача переписи в Новгороде, несомненно, вызвала недовольство Орды. В 1258 г. Александр был вызван в Сарай и получил военную подмогу для обуздания новгородцев. В 1259 г. дружина Александра Ярославича явилась под Новгородом вновь в сопровождении значительного татарского отряда. Новгородские власти, опасаясь погрома, согласились на ордынскую перепись, но когда татарские пере-

писчики, сопровождаемые дружинниками Александра, начали «ездить окаянные по улицам, переписывая дома христианские», в городе вновь поднялся мятеж¹. После недолгого сопротивления новгородцы были сломлены и «дали число», успеху Александра содействовали «великие» бояре, которые, по выражению летописи, творили «себе легко, а меньшим зло». Александр уехал вместе с татарами, оставив наместником своего второго сына Дмитрия. Так был подавлен еще один очаг сопротивления ордынскому игу.

Союз Александра Ярославича с Ордой predetermined подчинение татарами и Юго-Западной Руси. Даниилу Галицкому, оставшемуся без союзников в русских землях, труднее было добиться помощи католической Европы. Монголы, состоящие в союзе с князем-христианином, перестали казаться Европе опасными. В 1258 г. против Даниила было отправлено большое войско под руководством одного из лучших монгольских полководцев Бурундая, и к 1261 г. сопротивление Юго-Западной Руси было подавлено, Даниил был вынужден даже срыть укрепления многих городов.

Сопротивление установлению ордынского ига на этом, однако, не прекратилось. В 1262 г. восстание охватило практически всю Северо-Восточную Русь. В крупных городах — Ростове, Владимире, Суздале и Ярославле — собрались веча, горожане, взявшие в свои руки власть, изгнали и частью перебили ордынских чиновников и откупщиков дани (часто это были купцы-мусульмане и даже русские люди вроде поразившего воображение современников бывшего монаха Зосимы, принявшего ислам). Позднейшие летописи пытались изобразить русских князей вдохновителями восстания. Устюжская летопись XVI в. даже сообщает безусловно вымышленный эпизод о рассылке Александром «грамоты», «что татар бити». Но Александр Ярославич, разуме-

¹ Сопротивление переписи помимо чисто прагматического — новгородцы не желали платить дань (ордынский выход), не считая себя связанными обязательствами владимирского князя — имеет и религиозный мотив. Отказ от «дачи числа» был связан с защитой правой веры. Дело в том, что сам факт исчисления людей в сознании средневекового христианина был делом небогоугодным и прямо греховным. Во всяком случае, ветхозаветный царь Давид глубоко раскаивался в проведении переписи: «И вздрогнуло сердце Давидово после того, как он сосчитал народ. И сказал Давид Господу: тяжко согрешил я, поступив так; и ныне молю Тебя, Господи, прости грех раба Твоего; ибо крайне неразумно поступил я» (2 Цар. 24, 10).

ется, не имел отношения к народному движению — ранние летописи ни слова не говорят об участии в нем князей, а хвалебное «Житие» Александра вовсе не упоминает о восстании. При самом начале восстания Александр поехал в Орду, цель и исход этой поездки нам неизвестны. «Житие» и единственная летопись, упоминающая о ее причинах, сообщают, что хан Берке потребовал присылки русских войск для участия в монгольских походах («гоняхуть христиан, веляще с собою воинствовати»), а князь отправился в Орду, «дабы отмолити люди от беды тоя». Панегиристы князя предполагают, что в результате его «дипломатических усилий» хан оставил восстание безнаказанным. Но скорее всего, хану Берке, который в это время вел тяжелую войну с ильханом Персии, было не до Руси, и он предоставил разбираться с горожанами самим русским князьям, в преданности которых мог быть вполне уверен. Известно, во всяком случае, что русские отряды впоследствии неоднократно участвовали в монгольских походах.

Таким образом, целенаправленными и долговременными усилиями князя Александра Ярославича ордынское «иго» над Русью было установлено.

Миф о крестовом походе

Какие же цели преследовал князь Александр, подводя Русь под ордынское ярмо? Скудость наших источников не позволяет ответить на этот вопрос совершенно однозначно. Поэтому в ходу несколько версий. Традиционная панегирическая трактовка действий Александра Ярославича, несколько модифицированная в 20-е гг. XX века историками-«евразийцами» (главным образом Георгием Вернадским) и получившая в последние десятилетия особенно широкую известность в «биологически-пассионарной» версии Льва Гумилева, сводится к тому, что князь, заключив союз с Ордой, предотвратил поглощение Северной Руси католической Европой и тем самым спас русское православие — основу национальной самобытности.

В основании этой версии лежит представление о глубоком культурном противостоянии православной Руси и католической Европы, будто бы двинувшейся в XIII столетии на Русь «крестовым походом» с целью вернуть православных «схизматиков» «в лоно истинной церкви». Орда же представляется историками этого направления в идил-

лическом виде совершенно толерантного и веротерпимого государства, союз с которым не внушал никаких опасений за чистоту православной веры.

Миф о «благочестивом» князе, стойко противостоящем католической угрозе, начали творить уже вскоре после кончины Александра Ярославича, в конце XIII в., когда было составлено его знаменитое «Житие». В этом памятнике, написанном книжником из окружения митрополита Кирилла (который, напомним, получил поставление в Никее — самом антикатолическом месте тогдашнего мира) при участии сына Александра Невского князя Дмитрия Александровича, вполне заурядная пограничная стычка на Неве впервые приобретает чуть ли не вселенские масштабы столкновения цивилизаций. По сообщению «Жития», из которого в основном переписываются батальные картины в наши учебники, на Неве в июле 1240 г. высадились не просто ватага шведских искателей приключений, а явилась рать «короля части Римския от полунощные страны», то есть «католической части Севера». Широкую известность получил эпизод «Жития» о неудаче католической миссии, присланной для обращения Александра Ярославича. Послы из Рима так говорили князю: «Папа наш сказал: "Слышал я, что ты князь славный и храбрый, и что земля твоя велика. Того ради послал я к тебе от двенадцати моих кардиналов двух искуснейших, Агалдада и Ремонта, да послушаешь ученья их о законе Божьем"». Папские посланцы получили отрицательный ответ в предельно резкой форме, князь после раздумья «с мудрецами своими» будто бы отвечал: «Все это нам хорошо известно, а Учения вашего мы не примем».

Ориентация православной церкви на Восток вполне объяснима. Она едва ли могла много приобрести в результате политического союза русских князей с католической Европой и могла потерять очень много в результате обострения отношений с татарами. Церковь в монгольской державе обладала значительными льготами. Только «церковные люди» не подлежали переписи и не несли никаких повинностей. Церковь всячески стремилась упрочить добрые отношения с Ордой, в 1263 г. митрополит Кирилл основал новую православную епархию в столице Золотой Орды Сарае, установив тем самым дополнительный канал постоянных дипломатических сношений с ханами; его примеру вскоре последовала и католическая церковь. Неудивительно, что православные иерархи были верными союзниками Александра Ярославича в его промонгольской политике. Когда князь вер-

нулся из Орды в 1252 г. во Владимир, митрополит Кирилл устроил ему торжественную церковную встречу и сам венчал Александра Ярославича на великое княжение, в 1256 г. митрополит даже сопровождал князя в финский поход, а позднее произнес по нем надгробную речь, где впервые появилась знаменитая позднее формула «зашло солнце земли Суздальской».

Уже в 80-е гг. XIII в. во Владимире начинается почитание Александра Ярославича как святого, в 1380 г. состоялось открытие мощей, а церковный собор 1547 г. формально канонизировал князя в качестве благоверного, то есть защитника истинной веры. Следует иметь в виду, что все это были периоды обострения отношений русской православной церкви с католиками. На церковном соборе в Лионе 6 июля 1274 г. греческая депутация во главе с печатником константинопольского патриарха Георгием Акрополитом принесла присягу в том, что греки «отрицаются от всякого разделения с римской церковью и признают ее главенство». И хотя эта Лионская уния, заключенная под давлением византийского императора Михаила Палеолога, носила чисто политический характер (греки даже сохранили Символ веры без римского добавления об исхождении святого духа «и от сына» — *filioque*), воспринята она была как акт католической экспансии. В этих обстоятельствах и создается образ Александра Невского как стойкого противника католицизма.

Однако в 40-х — начале 50-х гг. XIII столетия монгольская опасность и оживленные контакты с Римом Михаила Черниговского и Даниила Галицкого привели к заметному ослаблению напряженности в межконфессиональных отношениях. В 1245 г., выступая на соборе в Лионе с призывом к борьбе с Ордой, папа Иннокентий IV упомянул Русь в ряду «христианских» стран, разоренных татарами, а в 1248 г. вступил в переписку непосредственно с Александром Ярославичем.

В своем послании к князю от 22 января 1248 г. папа увещевал русского князя, чтобы тот последовал примеру отца, согласившегося признать верховенство Рима, и просил в случае татарского наступления извещать о нем «братьев Тевтонского ордена, в Ливонии пребывающих, дабы как только это (известие) через братьев оных дойдет до нашего сведения, мы могли безотлагательно поразмыслить, каким образом с помощью Божией сим татарам мужественное сопротивление оказать».

Ответное письмо Александра до нас не дошло, но, судя по содержанию следующего послания папы (15 сентября 1248 г.), князь был готов принять «покровительство римской церкви». Во втором послании Иннокентий IV соглашался на предложение Александра построить в Пскове католический собор и просил принять своего посла — архиепископа Прусского. Но когда в конце 1248 г. к Александру явились послы от папы за окончательным ответом на предложение о переходе в католичество, он ответил решительным отказом. Похоже, перемена мыслей князя была связана не с защитой православия, а с переменой его взгляда на возможность союза с монголами, с порядками которых он успел хорошо ознакомиться во время пребывания в Сарае у Батгя и путешествия в Каракорум.

Защитник русской земли

Второй традиционный способ объяснять промонгольскую политику Невского связан с его образом защитника «геополитических» интересов Руси на Балтике. Традиция эта складывается в начале XVIII в. В 1724 г. по распоряжению Петра Великого мощи святого были перенесены из Владимира в Санкт-Петербург. Очевидно, что эта акция должна была служить символическому закреплению за Россией прав на новообретенные в результате Северной войны земли. Не случайно по приказу Петра празднование памяти Александра Невского было установлено 30 августа — в день заключения Ништадского мира со Швецией. В дальнейшем этот образ был закреплён в отечественной социальной памяти целым рядом официальных символических жестов. В 1725 г. Екатерина I учредила высший военный орден имени Александра Невского, а в 1753 г. был учрежден ежегодный крестный ход из Казанского собора в Петербурге в Александро-Невскую лавру.

К этому образу после непродолжительного перерыва обратились и советские власти в начале Великой Отечественной войны. В 1941 г. был выпущен на экраны ставший знаковым фильмом Эйзенштейна «Александр Невский», снятый еще в 1938 г., но ввиду союзных отношений СССР и Германии «положенный на полку». Вскоре после выхода фильма на экраны его создатели были удостоены Сталинской премии.

В основе этой трактовки мотивов Александра Ярославича лежит представление о скоординированной и планомерной «агрессии немец-

ко-шведских феодалов» в Прибалтике. Решительные же действия Александра Ярославича, как писали в советские времена, «предотвратили потерю Русью берегов Финского залива и полную экономическую блокаду Руси».

В действительности собственно русские земли никогда не были целью немецкой и шведской экспансии, речь идет об освоении «буферных» территорий, заселенных языческими племенами, не имевшими собственной государственности.

Проникновение немцев в Ливонию — прибалтийские земли, населенные племенами ливов, леттов, земгалов, куршей и эстов — начинается на рубеже XII—XIII столетий. Это были торговые люди, выходцы из Вестфалии и Любека, которые уже раньше завели фактории в городке Висби на острове Готланд. Вскоре вслед за купцами двинулись католические миссионеры. Первым епископом Ливонии был назначен Мейнгард (1186—1196). Новая епископия, столицей которой был городок Иксуль, находилась в зависимости от бременского архиепископа. Распространение христианства встречало сильное сопротивление местных племен, несмотря на то что Мейнгарду оказывал покровительство полоцкий князь Владимир. Мейнгард неоднократно зывал к римскому папе Целестину III, который практической помощи не подал, хотя и много обещал. Более успешной была поначалу деятельность второго ливонского епископа Бертольда (1196—1199), которому удалось в 1198 г. организовать крупный крестовый поход, но уже в следующем году епископ погиб в столкновении с язычниками. Третьему ливонскому епископу Альберту фон Буксевден (1199—1229) удалось усмирить ливов. Весной 1201 г. он основал новый город — Ригу — и перенес туда епископскую кафедру. В 1202 г. для распространения христианства на восточном побережье Балтийского моря Альберт основал духовно-рыцарский орден Меченосцев. В 1207 г. он отправился к германскому императору и получил от него в лен всю Ливонию.

Ведя упорную борьбу с прибалтийскими языческими племенами — главным образом эстами и литовцами, немцы нередко заключали союзы с русскими князьями и городами. Так в 1212 г. Альберт заключил оборонительный и наступательный союз с полоцким князем Владимиром, который отказался в пользу епископа от права взимать дань с ливов и лепталов. Альберт даже породнился с псковским князем Владимиром Мстиславичем, женив своего брата на его дочери. Борьба с эста-

ми шла успешно для ордена, но литовцы нанесли рыцарям сокрушительное поражение под Шауляем в 1236 г., после чего ослабленный орден Меченосцев был слит с Тевтонским орденом и стал его филиалом.

В 1219 г. в борьбу за восточную Прибалтику вступил Вальдемар Датский, который построил здесь крепость Ревель (ныне Таллинн) и овладел значительной частью земель эстов — областью Вирумаа.

К середине XIII в. в результате довольно острой борьбы за власть между магистрами ордена и рижскими епископами окончательно оформилось устройство ливонского государства, представлявшего собой средневековую федерацию, состоявшую из Ливонского ордена, Рижского архиепископства, Дерптского, Эзельского и Курляндского епископств и городских общин. Крупнейшие города Ливонии пользовались самоуправлением, важнейшие решения принимали городские советы — «раты», возглавляемые бургомистрами. Члены федерации, преследуя собственные интересы, далеко не всегда проводили согласованную политику. Городские власти нередко заключали договоры о торговле со Смоленском, Полоцком, Новгородом, где указывалось, что если орден начинает войну, «немецкому купцу дела до этого нет».

Русские также нередко обращались за помощью к немцам в ходе междоусобных столкновений. Например, в 1213 г. нашел убежище в Ливонии изгнанный из Пскова князь Владимир Мстиславич, позднее помогавший рижскому епископу в борьбе с Полоцком и даже ставший фогтом (судьей и управителем) одного из орденских замков. В Ливонии же оказались его сын Ярослав и изгнанный из Новгорода тысяцкий Борис Негочевич со своими сторонниками.

По-видимому, какую-то часть псковичей и новгородцев, заинтересованных в развитии торговли с немцами, больше привлекали политические порядки ливонской конфедерации, чем «самовластие», к которому явно стремились Ярослав Всеволодович и его сын Александр. В 1228 г. псковичи решительно отказались участвовать в походе Ярослава Всеволодовича на Ригу и заключили договор о взаимопомощи с рижанами (в частности, рижане обязывались защищать Псков от Новгорода). Новгородцы, в свою очередь, отказались участвовать в предприятии князя «без своей брата — псковичей». Князю пришлось оставить затею. В 1240 г. немцы вместе с князем Ярославом Владимировичем овладели псковским «пригородом» Изборском, ворота им открыли псковские бояре, бывшие с немцами в стоворе («перевет держали», по выражению летописца).

Столь же мало походила на одностороннюю шведскую «агрессию» борьба за право взимания дани с финских племен. С 1157 г. правители Швеции приступили к систематическому покорению и христианизации Южной и Центральной Финляндии, населенных племенами сумми, тавастов (сумь и емь русских летописей) и карелов. На эти языческие племена новгородцы издавна периодически устраивали набеги, облагая их данью, причем постепенно племенная верхушка включалась в состав русской знати. Южная Финляндия стала объектом довольно острой борьбы, которая велась с переменным успехом.

Шведы во время морских набегов разоряли русские поселения. Но и на шведские берега не раз обрушивались неожиданные удары с восточных берегов Балтики. Например, в 1187 г. союзные новгородцам карелы разрушили до основания шведский город Сигтуну (на месте которого позднее будет заложен Стокгольм). Городские ворота разоренной Сигтуны, сделанные в 1152—1154 гг. в Магдебурге по заказу епископа Вихмана, украшают и поныне западный фасад Софийского собора в Новгородском кремле.

Представлять эту довольно рутинную борьбу Ливонии, Дании, Швеции, Новгорода и Пскова за контроль над землями чуди, эстов, ливов, суми, еми и карел согласованной агрессией, и тем более крестовым походом против Руси, нет никаких оснований. Тем не менее миф о западной угрозе был создан. Для придания ему некоторого правдоподобия идеологам промонгольской политики, проводимой князем Александром Ярославичем и его потомками, достаточно было вырвать отдельные эпизоды этой прибалтийской сутолоки из контекста и раздуть их до событий европейского, а то и мирового масштаба. Так возникли мифологизированные образы Невской битвы и Ледового побоища. Характерно, что популярная отечественная историческая литература в значительной степени черпает детали описания Невской битвы из «Жития», ну разве что не повторяет вслед за его составителем, что большая часть шведов была побита «от ангела господня» на другой стороне реки, где было «непроходно полку александрову». Позднее, когда потомки Александра Невского образовали династию московских великих князей, картина битвы украсилась новыми подробностями к вящей славе Александра Ярославича. Так, в московских летописных сводах с конца XV в. в качестве предводителя шведов начинает фигурировать ярл Биргер, которому будто бы лично Александр Ярославич нанес глубокую рану на лбу, «возложил

ему печать на лице». Участие ярла Биргера действительно говорило бы о государственном характере шведской вылазки, а победа над ним была бы большой честью. Но, увы, Биргер Фолькунг из Биельбо — фактический основатель современного шведского государства, жизнь которого известна в подробностях, а имя носит центральный проспект Стокгольма, — титул ярла получил только в 1248 г., шрама на лбу не имел никогда, а поход в финские земли совершил только один, в 1249 г., и вполне успешный.

Сотворение мифа об эпохальном сражении на Неве, начатое антикатолически настроенным митрополитом Кириллом, было продолжено московскими летописцами, а затем дипломатами Петра Великого, которому позарез понадобился предшественник на берегах Невы, и было завершено послушными борзописцами от истории сталинской эпохи, опусы которых должны были подготовить советский народ к борьбе с германским фашизмом. Собственно, до сих пор в основе представлений рядового российского гражданина об этой эпохе лежит полный исторических нелепостей гениальный фильм Эйзенштейна. Между прочим, блестящая критическая рецензия на сценарий этого фильма, написанная академиком М.Н. Тихомировым, называлась «Издевка над историей».

По всей видимости, о реальных масштабах сражения можно судить по потерям сторон. Русских воинов, по сообщению новгородской летописи, пало в бою двадцать человек, а то и меньше, «бог весть». Но по именам летописец называет всего четверых, и в том числе сына кожевника. Внимание к столь социально незначительному персонажу скорее всего означает, что потери были невелики, во всяком случае сравнительно с другими подобными столкновениями, которые происходили в «буферной зоне» довольно регулярно. Из предприятий шведов и их союзников суоми наиболее известны набеги 1142, 1164, 1249, 1293 и 1300 гг. Новгородцы и их союзники карелы совершали аналогичные походы в 1178, 1187 и 1198 гг., но едва ли этот список исчерпывающий. Многие из этих предприятий были гораздо более значительны по масштабам, чем прославленная Невская битва. Например, в 1164 г. шведы пришли под Ладогу на 55 шнеках (эта большая ладья вмещала до 50 пеших или десятков конных бойцов). Горожане сожгли посад и затворились в крепости, послав за князем Святославом Ростиславичем и новгородцами, четыре дня стойко держали осаду, пока не подошла подмога, разбившая шведов наголову. Лишь небольшой час-

ти шведского отряда удалось уйти на 12 поврежденных шнеках. По всему это был гораздо более значительный и несомненный триумф русского оружия, совершенно, однако, истершийся из народной памяти, отрихтованной столетиями официозной пропаганды.

Столь же превратный вид имеет в нашей популярной литературе и знаменитое Ледовое побоище на Чудском озере. Если верить официальной советской версии, «этой крупнейшей битвой раннего Средневековья впервые в мировой истории был положен предел немецкому грабительскому продвижению на восток». Насчет «грабительства», как и в большинстве подобных предприятий, упреки могут быть обоюдными. Из массовой литературы как-то незаметно исчезает предыстория знаменитого побоища. А между тем в 1242 г. Александр Ярославич начал кампанию с того, что разорил немецкий острожек, который почему-то имеет вполне русское название Копорье, «освободил» вовсе о том не помышлявший Псков, пленив немецкий «гарнизон», состоявший из двух фогтов. Далее князь повел свое войско в землю чуди, позволив ему воевать «в зажития», то есть разорять хозяйство, и после первой неудачной стычки с немцами повернул восвояси. Неудивительно, что «вдогонь» ему пустилась не только наличная орденская сила (рыцарей в обоих ливонских орденах в это время всего было около 100, причем большая часть во главе с магистром воевала в этот момент с балтским племенем куршей), но и великое множество эстов (чуди русских летописей). Относительно масштабов столкновения и соответственно потерь цифры расходятся: по сообщению новгородской летописи было убито 400 и пленено 50 немцев, а чуди «паде бесчисла». Согласно ливонской «Рифмованной хронике» потери ордена составили 20 убитых и 6 пленных. Даже если летопись говорит обо всех немцах (помимо рыцарей, в бою участвовали их военные слуги-кнехты, воины дерптского епископа, отряды из немецких колонистов-горожан), а «Хроника» только о полноправных рыцарях, то и тогда «поворотное» значение Ледового побоища оказывается сомнительным на фоне других подобных столкновений. Например, в сражении под Шауляем в 1236 г., где орденские войска были наголову разбиты литовцами, погиб магистр Волквин и 48 полноправных рыцарей. Скорее всего в результате именно этого поражения крестоносцам пришлось надолго умерить завоевательный пыл. Беда только, что вспоминать об этом сражении в отечественных учебниках неудобно — все-таки под Шауляем на стороне ордена сражался большой отряд со-

юзных псковичей — «муж двести», из которых домой вернулась едва десятая часть.

Во всяком случае, ни Невское, ни Чудское сражения не были решительными и переломными в борьбе за сферы влияния в Прибалтике. Перелом в этой борьбе наметился после того как новгородцы в 1262 г. взяли Дерпт, а в 1268 г. совершили большой поход против датских владений в землях эстов, завершившийся кровопролитным сражением под Раковором. Шведы, несмотря на будто бы разгромное поражение на Неве, к середине XIII в. покорили всю Финляндию и в конце столетия приступили к завоеванию Карелии. В 1293 г. они построили крепость Выборг на берегу Финского залива, а в 1300 г. — Ландскруну на Неве. Относительно устойчивая граница между владениями Новгорода и Швеции была установлена только Ореховским миром в 1323 г.

Знаменательно, что сам Александр Невский в последние десять лет жизни участия в борьбе за Прибалтику не принимал, хотя, казалось бы, должен был использовать на этом направлении всю мощь своего ордынского покровителя. Единственное исключение — зимний поход 1256 г. в Южную Финляндию, который описывается в летописи чрезвычайно туманно, без всякого указания мотивов и целей, сообщается только, что русским дружинам удалось убить и захватить в плен много финнов, «и придоша... вси здорови» (эта стандартная летописная формула обычно употреблялась для описания неудачного военного предприятия). Так что едва ли обеспечение тыла для борьбы с западной экспансией в Прибалтике было главным мотивом Александра Ярославича при установлении вассальных отношений с Ордой.

Благоверный прагматик

По всей видимости, прав наш современник, историк Антон Горский, утверждающий, что в действиях Александра Ярославича не следует искать «какой-то осознанный судьбоносный выбор. Он был человеком своей эпохи, действовал в соответствии с мировосприятием того времени и личным опытом. Александр был, выражаясь по-современному, «прагматиком»: он выбирал тот путь, который казался ему выгодней для укрепления его земли и для него лично. Когда это был решительный бой, он давал бой; когда наиболее полезным казалось соглашение

с одним из врагов Руси, он шел на соглашение». С этим можно было бы и согласиться, осталось уточнить, что именно князь считал «полезным».

Основная деятельность князя в последнее десятилетие его жизни позволяет ответить на этот вопрос вполне однозначно. Союз с монголами значительно облегчал великому князю укрощение строптивых вечевых городов, с которыми владимирские князья боролись со времен Юрия Долгорукого. Союз с Западом неизбежно усилил бы позиции городов, поскольку города Западной Европы уже давно освободились от власти феодальных сеньоров. Русь неизбежно втягивалась в систему европейского права, способствовавшего укреплению модели власти, связанной с договорными отношениями автономных сторон.

А вот система правления, принятая в монгольских улусах, устраивала Александра Ярославича вполне. Живыми штрихами ее рисует Плано Карпини: «Император же этих татар имеет изумительную власть над всеми. Никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если где император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают места тысячникам, тысячники — сотникам, сотники же — десятникам. Сверх того, во всем том, что он предписывает во всякое время, во всяком месте, по отношению ли к войне, или к смерти, или к жизни, они повинуются без всякого противоречия. ...Ту же власть имеют во всем вожди над своими людьми... ибо среди них нет никого свободного». Получая из рук хана ярлыки на княжение, русские князья приняли и постепенно утвердили на Руси эту модель властных отношений. Под властью Орды уже не могли далее сохраняться старинные дружинные отношения. Князья Северо-Восточной Руси, сделавшись «служебниками» монгольских ханов, обязанные беспрекословно повиноваться их воле, уже не могли примириться с независимостью старшей дружины. Система подданства со временем должна была привести к установлению княжеского деспотизма в создаваемой потомками Невского Московии.

Есть важная крупница горькой правды в словах историка Михаила Сокольского: «Позор русского исторического сознания, русской исторической памяти в том, что Александр Невский стал непререкаемым понятием национальной гордости, стал фетишем, стал знаменем не секты или партии, а того самого народа, чью историческую судьбу он жестоко исковеркал».

Помимо исторического пути, на который столкнулся Северо-Восточную Русь Александр Ярославич, существовал и другой путь, по которому пошли русские земли, князья которых не пожелали служить ордынским ханам. Из этих земель со временем сформировалось другое государство — Великое княжество Литовское. В течение нескольких столетий оно успешно вело тяжелую борьбу на два фронта против ордена и против Орды, которую наши официальные историографы объявили «безнадежной» и «бессмысленной». И победило. К концу XIV столетия великий литовский князь Витовт назначал своей волей ордынских ханов, в 1381 г. решал, посадить ли ему «во Орде на царствие царя его Тохтамыш», а в 1410 г., по существу, dokonчил с Тевтонским орденом. Наследниками некогда единой Киевской Руси стали в XIII—XV вв. три государства с различной политической системой, три Руси — Литовская, Московская и Новгородская. Их борьба за гегемонию в объединении всех русских земель и победа Москвы в этой борьбе определили дальнейшую судьбу нашей страны. Но это уже другая история.

Подробнее на эту тему:

Горский А.А. Александр Невский // Мир истории. 2001. № 4
(<http://www.tellur.ru/-historia/archive/04-01/nevsky.htm>)

Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII—XIV вв.). М.: Аспект Пресс, 2001.

Джиоваини дель Плано Карпини. История монголов. М., 1957
(<http://www.darklimes.ru/Karpini.html>).

Макаров Н. Русь. Век тринадцатый. Характер культурных изменений // Родина. 2003. № 11.

Сокольский М.М. Неверная память (Герои и антигерои России). М., 1990.

Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200—1304. М.: Прогресс, 1989.

Флоря Б.Н. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.) СПб.: Алетейя, 2004 (Журнальный вариант доступен по адресу:
<http://www.krotov.org/library/f/florya/flor04.html>).

Чернецов А.В. К проблеме оценки исторического значения монголо-татарского нашествия как хронологического рубежа // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003.

Юрганов А.Л. У истоков деспотизма // История отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX - нач. XX в. М., 1991. Кн. 1. С. 34-75 (<http://anvskiy.narod.ru/library/24.html>).